

## Глава 2

Собственная кровь Сэ Чанмина больше не годилась, поэтому ему пришлось поймать дикого фазана, пустить ему кровь и, обмакнув в нее персиковую ветвь, обновить стертые контуры массива. Закончив с этим, он сплел пальцами жест призыва ветра, заставив лепестки персика вихрем разлететься по всему склону.

Провозившись добрых четыре часа, он так ничего и не добился: кроме клочка земли под его ногами, где линии плетения едва теплились тусклым светом, вся остальная гора пребывала во тьме.

Очевидно, на этой безымянной дикой горе действительно не осталось ничего, что обладало бы хоть каплей духовной энергии. Все труды пошли прахом.

Сэ Чанмин тихо вздохнул. Впрочем, иного исхода он и не ждал. В прошлой жизни он еще не владел искусством этого массива и, очнувшись, прочесал дикий склон пядь за пядью, но так и не обнаружил никаких следов Сэ Сяоци. И все же, не повтори он поиски сейчас, его сердце не нашло бы покоя.

Спустя несколько мгновений Сэ Чанмин забросал массив сухой травой и, пока сумерки окончательно не сгустились, поспешил спуститься в долину.

У подножия раскинулся уездный город Синьуй, примостившийся у самой воды. Последние годы выдались мирными, без войн и невзгод, так что местный люд жил в достатке. Надвигалась ночь. Луна еще не успела взойти на востоке, но под карнизами домов уже затеплились фонари, отбрасывая зыбкие тени на изящные крыши чайных и лавок.

Оглядевшись, Сэ Чанмин толкнул дверь ближайшего чайного дома. Первый этаж встретил его пустотой — лишь сонный зазывала дремал, привалившись к опорному столбу. Но стоило подняться по скрипучей деревянной лестнице на второй ярус, как в уши ударил нестройный гул голосов. Здесь яблоку негде было упасть: за каждым столом шла игра — стучали костяшки мацзяна, шелестели карты, звенели в пиалах кости.

Чайные заведения в этих краях бывали разными. Те, что сияли огнями, предназначались для чинного отдыха за чашкой заваренных листьев. Те же, где царил полумрак и экономили на свечах, чаще всего служили прикрытием для подпольных игорных притонов.

Сэ Чанмин заметил стол, где резались в мацзян, и встал поодаль, выжидая своей очереди. Вскоре один из игроков, вчистую спустив все фишки, в сердцах выругался на паршивую удачу и поднялся. Сэ Чанмин тут же занял его место.

Разносящий чай служака наконец заметил неладное. Чайник в его руке замер, так и не дотянувшись до чашки.

— Куда это ты уселся? — недоверчиво прищурился он. — Собрался играть в мацзян? А фишки у тебя хоть есть?

Сэ Чанмин небрежно пододвинул к себе костяшки:

— Запиши на мой счет.

В подобных притонах долги давали охотно. Игровой бизнес не требовал вложений, а выданное под процент серебро возвращалось с лихвой — пока сам должник оставался в руках заведения, вытрясти из него долг до последней монеты не составляло труда.

Сэ Чанмин провел три года под открытым небом. На юге дожди шли часто, так что природа сама регулярно стирала его лохмотья и омывала тело. Выглядел он бедно, но по крайней мере от него не разило за версту, и прохожие не шарахались в сторону.

С языка служки чуть было не сорвалась брань. Одежда незваного гостя казалась настолько жалкой, что назвать его нищим было бы щедрым преувеличением. Лишь нежелание устраивать шум в разгар игры удержало малого от грубости. Он повысил голос:

— Сказано тебе — нельзя! С таким видом за наш стол не садятся.

Трое других игроков за столом начали терять терпение. Пожилой мужчина с размаху бросил костяшки на сукно:

— Да что там у вас стряслось? Сдавать будете или нет?!

В подпольных заведениях ценили тишину и скрытность. Стоило голосам подняться на полтона выше обычного, как вокруг стола мигом начала собираться толпа любопытных.

Сэ Чанмин поднялся и спокойно обратился к человеку, стоявшему чуть в стороне:

— Если проиграю, останусь здесь отрабатывать долг батраком.

Хозяин заведения Цзинь опешил. Он ума не мог приложить, как этот оборванец распознал в нем владельца, однако после секундного замешательства молча махнул служке рукой — мол, оставь его.

Цзинь принял пришельца за отчаявшегося бродягу, который спустил последнее имущество и теперь ставил на кон собственную свободу в безумной надежде отыграться. За двадцать лет содержания притона хозяин заведения Цзинь навидался подобных безумцев. Заполучить даровые рабочие руки на кабальных условиях казалось ему неплохой сделкой.

Поначалу всё шло именно так, как рассчитывал хозяин Цзинь. После нескольких конов Сэ Чанмин оказался на волосок от того, чтобы навсегда лишиться свободы.

И вдруг хозяин Цзинь удивленно прищурился:

— Хм?

«Чистая масть»? С чего бы вдруг у этого оборванца сложилась такая редкая комбинация?

Должно быть, дуракам везет.

Спустя два часа гора фишек целиком перекочевала к Сэ Чанмину. Его партнеры по игре один за другим покинули стол с пустыми карманами.

Зрители возбужденно зашумели. Многим не терпелось испытать удачливого гостя, но страх расстаться с собственным серебром сдерживал азарт.

Тогда хозяин Цзинь подозвал двух опытных подручных, сам занял освободившееся место и процедил сквозь зубы:

— Сдавай. Я сыграю.

В толпе ахнули:

— Хозяин Цзинь не брался за кости уже много лет!

Цзинь слыл в этих краях живой легендой. Выходец из нищеты, он когда-то начинал зазывалой в игорных домах. Обладая безупречным мастерством, он сколотил состояние исключительно благодаря своему чутью и ловкости рук, что и позволило ему открыть собственное заведение.

Прошло еще два часа. Сэ Чанмин вежливо сложил ладони перед оцепенелым хозяином заведения:

— Благодарю за игру.

Отыграв в общей сложности три тысячи лянов, Сэ Чанмин придвинул две трети выигрыша побежденному сопернику:

— Плата за сегодняшний чай.

Забрав оставшуюся тысячу лянов чистым серебром, он ушел. Хозяин Цзинь даже не успел предложить ему место главного мастера при его заведении — загадочный гость растворился в ночной темноте так же внезапно, как и появился.

Для совершенствующихся, отрекшихся от мирской суеты, добыть золото никогда не составляло труда. Однако вряд ли во всем Поднебесном мире нашелся бы еще один практик, промышляющий подобным ремеслом. Кому расскажи — не поверят: грозный владыка демонов, получив шанс на перерождение, вместо грабежа и запугиваний добывал средства на пропитание за игорным столом.

Впрочем, для Сэ Чанмина этот опыт не был в новинку. Он не прибегал к магии и не жульничал — просто когда-то давно подобное занятие было для него обычным делом.

Он вырос на грязных улицах бедных кварталов и уже с тринадцати лет крутился как мог, чтобы выжить. Брался за любую тяжелую работу, но прокормить себя и прожорливую, капризную птицу на скудные гроши чернорабочего было непосильной задачей. Нужда толкала его на сомнительные тропы: порой он заглядывал в кабаки перекинуться в кости, чтобы раздобыть немного серебра на сладкие плоды для Сэ Сяоци.

Память у него была отменная. Хотя в своей первой жизни он провел среди смертных едва ли больше пятнадцати лет, суровые уроки выживания врезались в разум намертво. Даже сорок лет спустя эти полузабытые уловки вернулись к нему без малейшего труда.

Покинув притон, Сэ Чанмин снял комнату на постоялом дворе, сменил изношенные лохмотья на опрятное платье и за немалые деньги приобрел подробную карту уезда. Примостившись у светильника, он принялся изучать очертания близлежащих хребтов и водоемов.

Сэ Сяоци был существом пугливым и сторонился людей, так что искать его в людных местах не имело смысла. Даже если ход событий нарушился и птенца не оказалось на прежней горе, с неокрепшими крыльями он не мог улететь далеко.

Сэ Чанмин отметил на карте около десятка глухих уголков — именно туда он направится на рассвете.

Когда луна достигла зенита, Сэ Чанмин спустился в пустой холл и, опустив на стойку серебряный слиток, велел заспанному слуге:

— К утру достань мне пятнадцать живых кур.

Птицы требовались для восстановления ритуального рисунка. Дикie фазаны подходили не хуже, но ловить их по лесам вручную было слишком хлопотно.

Вернувшись в комнату, он погасил свечу и устроился на постели, собираясь погрузиться в

медитацию, однако мысли его вопреки обыкновению путались.

Виной тому было недавнее пробуждение. Весь день он провел среди обывателей, спорил, добывал монеты, заказывал простую сытную еду — от этих обыденных хлопот он отвык за долгие годы вознесения. И сейчас мирская суeta невольно всколыхнула воспоминания о далеком детстве.

Он родился на окраине государства Чжоу, что на Облачном континенте Юньчжоу. Семья его едва сводила концы с концами. Собственного имени у мальчика тогда не было — по обычаю бедняков его звали просто по старшинству: Сэ Лю. Шестой.

В девятый год правления под девизом Цинъюань на северные земли обрушился небывалый буран. У Сэ Лю было трое старших братьев, две сестры и совсем еще крошечная младшая сестренка, державшаяся за материнскую грудь. По дороге на юг, спасаясь от голода, одна из сестер испустила дух от истощения. Но даже тогда припасы таяли на глазах. Прокормить такую ораву родители были не в силах.

Тогда супруги Сэ решились на страшное — избавиться от одного из детей.

Первенца пожалели — всё-таки первый сын, надежда семьи. Старшую из выживших дочерей тоже не поднялась рука отдать. Третий ребенок тоже не подходил, любимица... После долгих споров выбор пал на десятилетнего Сэ Лю и грудную малышку.

Сэ Лю едва исполнилось десять: ходил он медленно, тяжелой работы выполнять не мог, а хлеба требовал наравне со взрослыми. Младшую же приходилось по очереди нести на спине, ведь она еще и шагу ступить не умела.

Отец с матерью долго перешептывались у костра, пока их старший сын не принял решение за всех:

— Оставим Сэ Лю. Сестренка совсем кроха, бросим ее здесь — волки мигот растерзают. А Сэ Лю уже большой, бегать умеет. Глядишь, найдет в лесу каких ягод или кореньев.

В благополучные годы старшему брату удалось немного поучиться грамоте. Он умел выводить иероглифы и любил вставлять в речь книжные словечки. Именно он давал имена младшим братьям и сестрам, но на Сэ Лю его ученость иссякла. Он пожаловался, что придумал слишком много имен и растерял все красивые слова. Мать тогда лишь замахала руками, велев ему поберечь голову: Сэ Лю так Сэ Лю, у соседей детей звали точно так же.

Родители беспрекословно верили старшему сыну. На том и порешили: Сэ Лю оставили на заснеженном склоне. Уходя, мать велела ему послушно ждать здесь и ни в коем случае не идти следом — дескать, как только растает снег, они обязательно вернутся за ним.

В лютую стужу глупо искать лесные плоды, да и как десятилетний истощенный ребенок мог уцелеть при встрече с хищником?

Но голодным взрослым до этого не было дела.

Когда приходится избавляться от лишнего рта, проще всего бросить того, кто вечно молчит, дичится родных и держится особняком. Сэ Лю казался самым чужим в этой семье.

Мальчик не стал умолять.

«Слезы и мольбы — самый бесполезный товар в голодный год».

Увязая в сугробах, он упрямо брел на противоположную сторону перевала. Падал, поднимался, забивал пустой желудок снегом. Когда силы окончательно покинули его, он рухнул прямо в сугроб.

Перед самыми его глазами из-под наста тянулось крошечное, едва ли в три чи деревце. На его тонких ветвях, вопреки холоду, зеленели сочные листья, а среди них пламенел единственный алый плод.

Сэ Лю не исполнилось и десяти лет, но даже его детского ума хватило, чтобы понять: перед ним чудо.

«Наверное, ядовитый, — подумал он тогда. — Иначе почему его не сожрали птицы?»

Округу укрыл безжалостный саван, погребя под собой бесчисленное множество диких зверей и беглецов. Но смерть от голода была слишком мучительной, а Сэ Лю не желал отправляться к праотцам с пустым желудком. Он протянул дрожащую руку, сорвал плод и целиком проглотил его.

Когда зимние оковы пали и наступила весна, Сэ Лю очнулся от того, что глупый птенец усердно долбил его в лоб. Так начались их совместные шестнадцать лет.

Этот ошипанный комок перьев — Сяо Тумао — был невыносимо шумным и непоседливым. Стоило Сэ Чанмину ненадолго отвлечься, как вредная птица принималась больно клевать его пальцы или яростно хлопать крыльями, взъерошивая волосы и лишая всякого покоя. И все же память о маленьком тиране принесла долгожданное умиротворение. Дыхание выровнялось, мысли очистились, и он без труда вошел в состояние созерцания.

Завершив полный круг циркуляции духовной энергии, Сэ Чанмин открыл глаза. Сквозь оконный проем лился неровный лунный свет, дробясь о ветви деревьев, в то время как вторую половину неба уже заволакивали тяжелые тучи.

Глубокая ночь дышала мертвой тишиной. Ни звука человеческого голоса, ни сонного птичьего гомона — лишь редкие порывы ветра шуршали листвой да мягко завывали под карнизом.

В его голове промелькнула мимолетная мысль:

«Где же этот глупый комок перьев прячется от ночной прохлады?»

<http://bllate.org/book/18249/1750579>